

На пути к женскому гражданству в России: 1860-е – 1917 год

DOI: [10.19181/inter.2021.13.3.4](https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.4)

Ссылка для цитирования:

Юкина И.И. На пути к женскому гражданству в России: 1860-е — 1917 год // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 3. С. 92–111. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.4>

For citation:

Yukina I.I. (2021) On the Way to Women's Citizenship in Russia: the 1860s-1917. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 3. P. 92–111. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.4>

Юкина Ирина Игоревна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург,
Россия

E-mail: irinayukina@gmail.com

В статье предпринята попытка рассмотреть развитие российского женского гражданства с позиций теории гражданства и описать основные направления и вехи его становления на отечественном историческом материале. В статье доказывается, что ключевыми субъектами формирования женского гражданства, с одной стороны, было женское, феминистское, суфражистское движение, которое ставило перед властью проблемы своей социальной (гендерной) группы и добивалось их решения, с другой стороны — «широкие женские массы», то есть женщины различных сословий и социальных групп, которые, меняя свои каждодневные практики, фактически расширяли свои гражданские права и обязанности. История женщин России как историческая дисциплина за последние годы накопила значительный фактический материал о различных сторонах жизни россиянок, что сделало возможным подобный историко-социологический анализ феномена женского гражданства в России.

Ключевые слова: женское гражданство; личные гражданские права; политические права; социальные права; социальный статус; женское, феминистское, суфражистское движение; гражданство как статус; гражданство как участие; гражданство как солидарность

1. Женское гражданство: теоретические подходы к изучению

Нира Юваль-Девис в своей известной книге «Гендер и нация» писала, что задача выработать теорию гражданства «несексистскую, нерасистскую, незападноцентристскую, но достаточно гибкую, чтобы реагировать на далеко идущие изменения в глобальном порядке или беспорядке» [Юваль-Девис, 2001: 154], наталкивается на барьер, который она обозначила, процитировав Мелани Филипс: «существует огромная потребность в понимании гражданства, хотя никто не обладает необходимым знанием для этого понятия» [Юваль-Девис, 2001: 120]. Пессимизм Мелани Филипс и Ниры Юваль-Девис понятен: категория гражданства пластичная, меняющаяся, переопределяющаяся, и вновь и вновь наполняющаяся новыми смыслами и выявляющая все новые грани неравенства. Сегодня в науке используются такие понятия, как «гендерное гражданство», «женское гражданство», «сексуализированное гражданство», а дефиниции «гендер», «этничность», «класс», «сексуальность», «возраст» стали важными в концептуализации неравенства и социальных иерархий.

Исторические и социологические исследования установили, что отношения мужчин и женщин с государством, гражданами которого они являются, строятся по-разному, и сегодня во многих странах гражданский статус мужчин и женщин различается даже в правовом смысле. В связи с этим возникают вопросы: что такое женское гражданство? Как оно формируется? Когда начался этот процесс? Кто его акторы? Как это происходило в России?

Вопрос упирается в понимание собственно феномена гражданства. Если рассматривать «гражданство» как определенный набор прав, которыми обладают граждане, и соответствующий им статус, то эта оптика позволяет констатировать, что женщины во всех «цивилизованных» странах до определенного времени обладали законодательно гораздо меньшим объемом прав, имели более низкий статус, чем мужчины, и не рассматривались в качестве полноценных политических субъектов. Их позиции в обществе опосредовались статусом жены, дочери, матери, сестры. В этом случае женское гражданство — это наличие у женщин субъектности и собственного статуса полноценного члена общества, а не статуса, определенного родом или семьей.

Основоположником понимания гражданства как набора прав и статуса является Т.Х. Маршалл, который изучал феномен гражданства в рамках исторических исследований. Гендерная рефлексия не была присуща Маршаллу, эту оптику применяли более поздние исследователи, опираясь на его теорию гражданства. «Начала» гражданства Маршалл отсчитывал с XVIII века — со старта капиталистической модернизации в Европе. Гражданство в его концепции это — формальный статус, который дает индивиду некоторый набор прав, признанных в данном сообществе «нормальными», и который сообщает ему «полноценность» членства в данном политическом сообществе [Marshall, 1964: 84]. Согласно модели Маршалла, круг индивидов, получавших права граждан, постепенно расширялся, как и тип прав, которые они получали.

Именно в ходе модернизации индивидум обретал личные гражданские, политические и социальные права. Маршалл описал эти права.

Гражданские права — это индивидуальные права и свободы, включавшие в себя личную свободу индивида — свободу передвижения, слова, мысли, вероисповедания, право собственности, право заключать договоры, право на правосудие. Политические права, политическое гражданство дает право участия в политической жизни государства в качестве избирателя, члена политической организации, партии. Социальные права, социальное гражданство у Маршалла означало право жить по стандартам, преобладающим в обществе, право на обязательный минимум экономического благосостояния, то есть доступ к образованию, здравоохранению, социальной защите. Реализуются гражданские права посредством соответствующих социальных институтов, через которые государство обеспечивает гражданам данного сообщества более или менее равные возможности пользования правами. Поэтому гражданство у Т.Х. Маршалла пассивно, имеет клиентелистский оттенок.

Ответ на вопрос, как происходило получение гражданства, дали другие исследователи. «Деятельностный» подход Б.С. Тернера [Turner, 1990] предполагает понимание гражданства не только как действия государства по определению прав и обязанностей граждан, но и действия самих граждан, их взаимоотношения с государством по поводу своих прав. С одной стороны, гражданин является получателем прав, гарантированных социальным договором, — пассивное гражданство. С другой стороны, он добивается прав и гарантий, их реализации через участие в коллективных действиях — активное гражданство. Одновременно с этим граждане, объединенные общими моральными ценностями, взаимной поддержкой и солидарностью, не просто борются за обладание некими правами и свободами, но вырабатывают свои представления об «общем благе», о «гражданских добродетелях» и желают участвовать в их создании и реализации, создают новые социальные практики. В рамках этого подхода возникли такие аналитические категории, как гражданство как статус, гражданство как участие, гражданство как солидарность и др.

Феминистские исследователи внесли свой вклад в анализ гражданства. Они доказали, что гражданство является гендерно-маркированной категорией. «Дифференцированный» подход, примененный феминистскими исследовательницами, обнаружил противоречие между равными правами всех индивидов и особыми правами женщин. Государство, конструируя гражданство женщин, выделяет их в особую категорию граждан, вменяя им в обязанность биологическое воспроизводство нации и зачастую ограничивая их в других правах. Инструментом служит экономическая, социальная, демографическая политика государства. Поэтому гражданские права женщин связаны с семьей, деторождением и, неизбежно, с проблемой совмещения различных видов своих гражданских прав. Таким образом, делается вывод, что женское гражданство другое, у него другая траектория развития, оно определяется политикой государства в отношении женщин как большой социальной группы, идеологией воспроизводства нации (биологического и культурного), поддерживается нормирующими суждениями и связанными

с ними социальными практиками [Здравомыслова, 2009]. Гражданство стало рассматриваться и как статус, и как средство включения индивида в сообщество, и как участие в создании «общего блага», и как совокупность практик, и как идентичность [Skijeie, Siim, 2000].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что женское гражданство — это набор личных, экономических, социальных и политических прав и обязанностей, которые, согласно принятому в данном обществе социальному контракту, государство предоставляет женщинам как социальной группе, и тот статус, который эти права и обязанности определяют.

2. «Начала» женского гражданства в России

Правовое положение женщин в Российской империи, как и женщин других стран Европы и Америки в XIX веке, характеризовалось юридическим и фактическим неравенством, которое строилось на концепции неравенства женщин и мужчин, пришедшей из римского права. Неравноправие мужчин и женщин было правовой нормой, поддерживалось представлениями о женщинах, самоопределением (идентичностью) самих женщин и реализовывалось в соответствующих социальных практиках. Государственная гендерная идеология включала в себя идею о «природной слабости» женщин и их зависимости от мужчин. Нравственным основанием этого подхода выступало христианское вероучение, согласно которому жена сотворена после мужа — создана для мужа как помощница, «подобная ему». В научной среде господствовали теории, утверждавшие, что женщины не только физически, но и умственно слабее мужчин; их воля, рациональность и потребность в свободе отрицались.

Проблема женского гражданства в России была поднята в годы Великих реформ (1860-1870-е) как часть общего модернизационного проекта, включавшего в себя обсуждение вопроса о гражданских правах и обязанностях подданных империи. Реформы затронули все сферы жизни. Накопленная энергия общества высвободилась, как распрямляющаяся сжатая пружина. Критике, обсуждению и пересмотру подвергались едва ли не все установления и представления, формировались новые ценности (всесословность, равенство перед законом, право на правосудие, на защиту в суде, на общественные инициативы и др.), новые нормы поведения и новые социальные практики. «Все пошло в переборку» — говорили в то время. Образованные женщины, преимущественно дворянского сословия, почувствовали вызов времени и так же, как мужчины, пожелали участвовать в обновлении страны. Одновременно с этим они озвучили проблемы своей социальной группы, а именно отсутствие личной свободы, зависимое положение женщины в семье, отсутствие права на профессиональное образование и профессиональную занятость. Весь этот комплекс проблем вошел в публичный дискурс под названием «женский вопрос». Женщины потребовали себе «человеческих» прав, то есть, по факту, мужских прав. Собственно, с этого момента начался поход

за женским гражданством — за женской субъектностью и за собственным социальным статусом, не опосредованным статусом отца, супруга, наличием или отсутствием последнего.

3. Личные права женщин в Российской империи в XIX веке

Правовое положение женщин закреплялось не только в нормах частного и публичного права, но и в правовых обычаях, которые оказали существенное влияние на жизнь женщин. Крестьянство вообще жило по законам «обычного права», привилегированные сословия — по «писаному праву».

Прежде всего, женщины были ограничены в личных правах. Здесь важно отметить, что законодательство Российской империи не было одинаковым для всей страны. Набор прав и обязанностей формировался в зависимости от сословной, конфессиональной принадлежности женщины и от места ее проживания. Например, западные регионы в силу исторических причин находились под сильным влиянием Гражданского кодекса Наполеона (1804), который жестко ограничивал права женщин.

Сословная принадлежность женщины определяла набор ее прав. Например, женщины привилегированных сословий по сравнению с женщинами непривилегированных обладали правом имущественной самостоятельности, что позволяло им заниматься благотворительностью, предпринимательской деятельностью и даже иметь больше прав, находясь под стражей. Права замужних и незамужних женщин также различались, а конфессиональная принадлежность женщины отражалась в тонкостях законодательства, особенно в вопросах брака и еще более — развода.

Самый сильный разрыв в юридической неравноправности женщин с мужчинами был «паспортный», то есть в получении собственного удостоверения личности или вида на жительство. Мужчины получали бессрочные паспорта в 21 год. Кроме того, у них могли быть другие документы, удостоверяющих личность (например, указ о принятии на службу выступал как вид на жительство). Мужской паспорт носил семейный характер — в нем содержались сведения о жене и несовершеннолетних детях. Женщина вписывалась в паспорт мужа наравне с детьми, и только с согласия супруга могла получить отдельный вид на жительство. Незамужняя женщина — с разрешения отца. Очень часто женщину выписывали из паспорта отца и вписывали в паспорт мужа. Если она уже имела отдельный вид на жительство, то перед венчанием он изымался и оставался на хранении в церкви среди документов о бракосочетании. В случае нахождения без мужа женщине полагалось иметь свой отдельный вид на жительство, выданный либо в полиции, либо по месту службы мужа, и всегда с его согласия и на срок, который он определил [Веремченко, 2007]. Таким образом, свобода передвижения женщин была сильно ограничена.

Поступать на работу и учебу замужняя женщина могла только с письменного разрешения мужа, незамужняя — с разрешения родителей, опекунов. И здесь паспортные ограничения также служили серьезным препятствием.

Семейное законодательство Российской империи основой брака устанавливало институт власти мужа и его статус главы семьи, что делегировало супругу реальные властные права над женой и детьми. Личные права и обязанности супругов в Своде законов были записаны, скорее, в виде нравственных постулатов, чем юридических требований. Муж был обязан «любить свою жену как собственное тело, жить с ней в согласии, уважать, защищать, извинять ее недостатки». От жены требовалось «повиноваться мужу своему, как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании» [Женщина в праве, 1895: 91–92]. Но при этом ограничения в личных правах замужних женщин были реальные. Кроме уже упомянутых паспортных ограничений, женщины не могли без согласия своих мужей заключать договор личного найма, поступать на службу, в учебные заведения, участвовать в гражданском процессе, защищая свои права, уезжать без согласия мужа, выписывать векселя и принимать по ним ответственность, если не производили торговли от своего имени. Жена была обязана проживать совместно с мужем, следовать за ним, и супруг имел право принудительно вернуть жену при помощи полиции, если последняя уехала без его разрешения. Институт отеческой власти устанавливал преимущественное право отца в воспитании детей, избрания для них образа жизни, в управлении и пользовании имуществом несовершеннолетних детей, а также представлении детей во всех делах.

Вступление в брак с человеком более высокого сословия давало женщине повышение ее социального и правового статуса. В соответствии с законом, жена имела право на все права и преимущества мужа, сопряженные с его состоянием, чином или званием, которое она сохраняла и во вдовстве, и при разводе. Жена именовалась по званию своего мужа и не теряла данного права, даже если муж по приговору суда лишался прав состояния [Верременко, 2007].

В отличие от западноевропейских законов, по которым брак создавал общую собственность супругов под управлением мужа, российское гражданское право закрепляло принцип раздельного владения имуществом супругами. Исключение составляли западные регионы империи, в которых под влиянием Кодекса Наполеона действовали нормы, ограничивающие права женщин в пользу мужа. Но женщины были существенно ущемлены в наследственных правах. Ближайшее право наследования после родителей принадлежало сыновьям, дочерям полагалась меньшая доля наследства — 1/8 в движимом и 1/14 в недвижимом имуществе. При отсутствии сыновей сестры делили между собой имущество родителей в равных долях. По боковым линиям — от теток, дядьев и других родственников — сестры при наличии братьев вообще не получали ничего [Женщина в праве, 1895: 100].

Даже несмотря на наличие широких (по меркам XIX века) имущественных прав, многие женщины в повседневной жизни руководствовались традиционными моделями поведения.

Реформистские 1860-е годы не принесли женщинам никаких прав. Их гражданский статус, т.е. женское гражданство, определялся опосредовано через статус жены, дочери, сестры, и полноценным субъектом они не признавались. Реформы реализовывались мужчинами-политиками в мужском публичном пространстве, и их бенефициарами были мужчины. Претензии женщин на участие в публичной жизни общества, на расширение своих прав разбивались о привычные мыслительные схемы и представления о ролях, обязанностях, «врожденных» качествах и способностях женщин, жизнь которых должна была протекать, согласно официальной идеологии, в лоне семьи под контролем мужчин, без каких-либо собственных достиженческих целей в публичной сфере.

Но женщины образованных групп желали чувствовать себя полноценными членами общества, участвовать в «современных тенденциях», то есть в создании общего блага. Их так и называли — «женщинами с тенденциями», позднее «новыми женщинами». Прежде всего, это были женщины элитарных, влиятельных групп — дворянки, горожанки, имеющие по факту больше возможностей, материальных и нематериальных ресурсов — времени, знаний, связей и т.д. Их не устраивал тот гражданский статус, который они имели в силу своей «половой принадлежности». Им хватило образования, амбиций, политической воли, понимания ситуации в стране для борьбы за свою «полноценность». Они стали расширять пространство женских гражданских прав, формировать женские «гражданские добродетели» на основе представлений об особом женском милосердии и врожденной женской доброте. Начали они с благотворительных проектов в пользу различных групп населения, таких как «Общество дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям Санкт-Петербурга» (1859) или «Общество распространения полезных книг Московского дамского общества» (1861). Но довольно быстро они переключились на поддержание своей гендерной группы — женщин. По сути, это были рациональные практики формирования женской гражданской идентичности, женского гражданства, то есть обретения гражданства через собственную деятельность — гражданство как участие, и его коллективным актором стало зародившееся женское движение.

Безусловно, никто из организаторш женского движения в поздние 1850-е и 1860-е годы не оперировал понятием «гражданство», но они опирались на центральную идею гражданства — права каждого индивида (в том числе женщин) на определенный набор «человеческих» прав (в данном случае равных мужским) и признание этих прав данным сообществом «нормальными». Другой важной идеей движения была идея о ценности женской личности, о ее особых качествах, необходимых обществу, таких как милосердие, сострадание, честность, трудолюбие и др., которые мыслились как имплицитно присущие женщине. Ценность женщины как нового социального актора, раскрытие ее

потенциальных возможностей в интересах самой женщины и всего общества — основные константы зарождающейся идеологии движения за права женщин, противостоящей официальной идеологии.

4. Право на труд

Первой проблемой, которая встала перед россиянками в динамично меняющемся российском обществе, была проблема оплачиваемой занятости в общественном производстве, то есть право на труд. Поход за экономическим гражданством начался в силу очевидных причин — многие дворянки остались без средств к существованию. Обеднение дворянства в результате реформ с особой остротой поставило проблему хлеба насущного именно перед женщинами дворянского сословия. Им, в отличие от мужчин, путь в любые сферы занятости, кроме крестьянского, фабричного труда и проституции, был закрыт. Это означало, что оплачиваемая женская занятость была возможна только с катастрофическим понижением статуса, собственно, с гражданской смертью. Проблема еще состояла в том, что любая занятость женщин привилегированных сословий в общественном производстве рассматривалась в российском обществе как понижение их статуса. Это отношение к занятости женщин преодолевалось с трудом и самими женщинами. М.Н. Вернадская¹ со страниц «Экономического вестника» призывала современниц идти в торговлю, журналистику, педагогику, сельское хозяйство и утверждала, что «в одном труде истинная свобода женщины» [М.В., 1858: 911]. Ей активно возражали. Публицист А. Пальховский, например, пенял Вернадской, что женщины таким образом «нарушат законы природы, правящие их нравственно-физическим организмом» [Пальховский, 1858: 501]. Л.Н. Толстой прямо продемонстрировал мужскую заинтересованность в женском репродуктивном и сексуальном труде: «Отрожавшая женщина и не нашедшая мужа женщина все-таки женщина <...> никакой надобности нет придумывать исход для отрожавших и не нашедших мужа женщин: на этих женщин без контор, кафедр и телеграфов всегда есть и было требование, превышающее предложение. Повивальные бабки, няньки, экономки, распутные женщины» [Толстой, 1984: 686].

Претензии женщин на оплачиваемую занятость, даже в силу экономической необходимости, раздражали и пугали. На этих женщин оказывалось сильное психологическое давление, их поведение оценивалось как «неприличное». Например, одна из основательниц женского движения, известная впоследствии переводчица Анна Николаевна Энгельгардт в 1862 году встала за конторку книжного магазина на Невском проспекте. «Помню, как Петербург был изумлен, — писал современник. — Когда в магазине Серно-Соловьевича явилась за прилавком молодая красивая женщина в синих очках. <...> Встать женщине за прилавок было тогда так же необыкновенно, как лицеисту, служащему

¹ Мария Николаевна Вернадская (1831–1860) — первая женщина-экономист в России, сотрудница журнала «Экономический указатель».

в Государственном совете, сделаться купцом. <...> Но тогда и стояние за прилавком было идейным делом, было практической пропагандой нового поведения, демократическим отрешением от сословности и предрассудков, прав рождения. А чтобы выступить с таким протестом, требовался не только смелый энергичный ум, но и смелый и энергичный характер» [Шелгунов и др., 1967: 134]. Добавим, что для супруга Анны Энгельгардт артиллерийского офицера Александра Николаевича Энгельгардта работа жены стоила офицерского суда чести по обвинению в недостаточном материальном обеспечении семьи и принуждении жены к работе. Одобряемое женское поведение не предполагало деятельности в публичной сфере, самостоятельности, не имело достиженческой компоненты.

Претензии «новых женщин» поддержали так называемые «печальники женского вопроса» — разного рода «прогрессисты» от умеренных до радикальных. Один из «печальников» — историк и публицист С.С. Шашков — так описывал консервативный лагерь, выступавший против новых женских требований: в авангарде — духовенство, вторую колонну составляет «тяжелая артиллерия статуты, уложений, сводов законов и кодексов», далее следуют представители науки — юристы, естественники, политэкономы, историки, а за ними «волнуется пестрая толпа обывателей всех стран и народов» [Шашков, 1871: 335].

Государство, со своей стороны, пыталось снизить остроту экономических проблем определенных категорий дворянок — вдов, незамужних девиц. Но делалось это в рамках концепции физической и умственной «недостаточности» женщин и приличествующих им ролей и моделей поведения. Открытие приютов и богаделен, учреждение пенсий для «благородных вдов» и т.д., ситуацию, разумеется, не изменили. Инициативы женских организаций по созданию рабочих мест для женщин, несмотря на их малочисленность, давали образец женской самозанятости и женской солидарности, что пугало власть. Так, учредительницам Женской издательской артели было отказано в регистрации (1862 г.) именно на том основании, что в артель входили одни женщины. В итоге артель зарегистрировали как частное предприятие Н.В. Стасовой и М.В. Трубниковой, что российское законодательство позволяло. Это было деятельное расширение и освоение экономических прав женщинами при помощи взаимной поддержки, то есть гражданство создавалось как солидарность.

Экономическая целесообразность работала на женщин, и в 1864 году императорским указом в Великом княжестве Финляндском женщины были допущены на телеграфную службу в виде опыта на три года и с ограничением в жаловании (не более 300 рублей в год). В первую очередь это было связано с нехваткой телеграфистов, знающих русский язык, но практически сразу эта практика была перенесена в русские губернии.

Власть металась, выработывая политику в отношении женщин и женской занятости, то делая шаг вперед, принимая во внимание изменившуюся экономическую ситуацию, то отступая назад. 14 января 1871 года Александр II подписал указ «О допущении женщин на службу в общественные

и правительственные учреждения». На основании этого указа женщины могли работать по телеграфному ведомству, в медицинских учреждениях (акушерками, сестрами милосердия), в образовательной сфере (учительницами младших классов женских гимназий, классными дамами, гувернантками), их стали принимать конторщицами, переписчицами и на другие низшие обслуживающие должности. Пользуясь предоставленными возможностями, женщины буквально «просачивались» во всевозможные учреждения на различные позиции, стремясь расширить их спектр. В том числе они пошли в частные поверенные, так как для этого не требовалось юридическое образование. Но 30 апреля 1875 года министр юстиции К.И. Пален издал циркуляр, который запрещал судебным учреждениям выписывать женщинам лицензии на право «хождения по чужим делам». Это противоречило указу императора 1871 года, на что Сенат указал министру. 7 января 1876 года последовал другой императорский указ «О неприменении к лицам женского пола Правил 25 мая 1874 г. о частных поверенных», прямо запретивший женщинам быть частными поверенными, а Учреждение судебных установлений (закон о судоустройстве) дополнилось ст. 406/19, гласившей, что «Женщины не могут получать звание частного поверенного по судебным делам» [Крестьянников, 2020: 39]. С этим были не согласны многие государственные мужи. Комиссия министра юстиции Н.В. Муравьева по пересмотру Судебных уставов в 1894-1899 гг. пыталась дать женщинам право выступать частными поверенными и частными ходатаями без образовательного ценза. Член Комиссии сенатор Н.Н. Мясоедов поддерживал право женщин на профессию частного поверенного, но поправка в законодательство так и не была внесена. На практике женщины продолжали выступать защитниками, но только по доверенности от подсудимого («адвокаты ad hoc»), так как ст. 406/19 запрещала им быть частными поверенными, но не защитниками по доверенности от подсудимого. Судебные чиновники смотрели на это сквозь пальцы, так как, с одной стороны, адвокатов не хватало, а с другой — судебные уставы позволяли «в отдельных случаях» «защиту в органах правосудия чужих прав на непрофессиональной основе», и пол такого защитника не был оговорен [Решетников, 2012: 181].

Женщины боролись за свое право на адвокатуру почти 50 лет. Невозможно коротко описать все виды деятельности, победы, поражения, удачи и разочарования на этом пути. Адвокатессы сотрудничали с феминистскими организациями, создавали в них свои подотделы, подавали петиции, давали бесплатные консультации женщинам, участвовали в феминистских акциях, например в ревизии Свода законов Российской империи в отношении прав женщин для I Государственной Думы. Одновременно с этим они добивались открытия юридических факультетов на высших женских курсах, допуска женщин в качестве вольнослушательниц на юридические факультеты в университетах, разработали законопроект «О допущении лиц женского пола в число присяжных и частных поверенных». Законопроект был передан в комиссию судебных реформ 1 мая 1911 г., разослан 300 членам Государственной Думы и 24 января 1912 г. одобрен Думой. После чего он был передан на утверждение в Государственный совет, где в ходе слушаний 23-24 января

1913 г. успешно отклонен. После отказа Госсовета женщины-юристки приняли решение работать дальше «вплоть до получения положительного решения» [Отчет Московского отдела..., 1913: 23], которое было получено только в 1917 году. Постановление Временного правительства «О допущении женщины к ведению чужих дел в судебных установлениях» от 1 июня 1917 г. открыло им право на профессию адвоката на равных с мужчинами основаниях.

Аналогичная борьба велась в каждой профессии, каждая позиция приобреталась в результате долгой кропотливой работы с законодателем, с лицами, принимающими решения, через влияние на общественное мнение, утверждение новых представлений о женщинах, подтвержденных новыми массовыми женскими практиками и солидарными действиями. Право на труд, на пенсию, на равную оплату за равный труд, на статусные позиции в своей профессии — все это достигалось в ходе многолетней работы. Экономическое гражданство было получено только благодаря деятельному участию и солидарности.

5. Право на образование

Главным препятствием на пути женщин к профессиональной занятости в «интеллигентных» профессиях и к экономической независимости были не только представления об ограниченности их природных возможностей, о приличном и неприличном женском поведении, но и отсутствие доступа к профессиональному образованию.

Право на образование обычно относят к социальным элементам гражданства, но можно отнести и к личным правам, как право на самореализацию, образ мысли и жизни, и к экономическим правам, как обязательное условие занятости. В XIX веке право на образование более уместно отнести именно к экономическому гражданству как важной составляющей в борьбе за право на труд. Желание достичь профессионального статуса, стать представительницей образованного интеллигентного (среднего) класса с достойной оплатой своего труда, не скатиться в низшие слои с потерей статуса, полученного при рождении, сформировали требование женщин на доступ к высшему образованию.

Борьба за высшее образование — еще один образец реализации женского гражданства как участия и как солидарности. Получению высшего образования препятствовали отсутствие личных прав (на свободу передвижения, на получение паспорта, письменное разрешение родителей/супруга на учебу) и отсутствие доступа к университету. Закон о высшем образовании и университетский устав были гендерно нейтральными, поэтому появление в 1859 году в стенах университетов женщин в качестве вольнослушательниц было правомерным. Но это был вызов, нарушение конвенций. Поэтому неудивительно, что новый университетский устав (1864 г.) прямо запретил женщинам быть вольнослушательницами. В 1864 году последние «незванные гости университетов» были изгнаны из Санкт-Петербургского университета и

Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии. Высшее образование юридически стало мужской привилегией. Пришлось создавать собственную систему женских университетов в виде Высших женских курсов, которые, после продолжительной борьбы, были разрешены в университетских городах под ответственность одного из местных профессоров. Разного рода женские курсы давали возможность женщинам получить высшее образование — система Высших женских курсов с университетской программой, Женские врачебные курсы, Высшие женские педагогические курсы, Высшие женские политехнические курсы, Высшие женские сельскохозяйственные курсы, юридические, естественно-научные, богословские и т.д. Но их выпускные свидетельства не приравнивались к университетским дипломам и ставили женщин в позицию аутсайдеров на рынке труда.

На протестной волне 1905 года правительство позволило вольнослушательницам сесть на студенческую скамью в университетах, а в 1908, после спада протеста, их опять попросили на выход. Только в 1915 году произошло уравнивание Высших женских курсов с мужскими университетами. В стране к тому времени насчитывалось 28 специальных высших заведений для женщин, созданных «общественностью» [Женский вестник, 1915: 198]. В 1917 году из 59 негосударственных высших учебных заведений 30 предназначались для женщин, 27 для лиц обоего пола и 2 для мужчин [Иванов, 1991: 396].

Известный философ, историк и политический деятель Ф.А. Степун ярко описал этот женский путь к образованию: «Упорство, с которым дочери московской и петербургской знати, а впоследствии и “кухаркины дети” пробивали себе путь к высшему образованию, носило характер подлинного героизма» [Степун, 1956: 264].

6. Репродуктивные права

Следующей важной ступенью на пути к полноценному гражданству стало требование права на репродуктивный выбор. В данный исторический период это право логично рассматривать как личное, а не социальное право женщин, прежде всего потому, что никакой социальной поддержки материнства на уровне государства не было, только частные благотворительные инициативы. Риторика и аргументация на тему контрацепции и аборта строилась именно вокруг гражданских прав женщин. Женщина, рожавшая 8-10 раз, фактически исключалась из экономической, культурной и общественной жизни, ее жизнь сводилась к беременностям, родам, уходу за детьми. Равноправки — участницы женского движения — рассматривали право на аборт и контрацепцию именно с позиции социального исключения женщины. Стоит ли говорить, что церковь, официальная идеология категорически отрицали саму возможность репродуктивного выбора женщин?

В решении этой проблемы у женщин в союзниках оказались врачи и юристы. По российскому законодательству аборт был уголовно наказуем и для врачей, и для женщин. Для врачей аборт был уголовно наказуем без всяких

исключений, ст. 100 Уложения о наказаниях освобождала от ответственности в «крайних случаях» только женщину [Либерман, 1914: 149]. Уголовное преследование не стало заградительным барьером — на рубеже веков распространение нелегального аборта шло быстрыми темпами. К нему обращались женщины всех классов и состояний. Врачи и правоведы говорили о «громком распространении искусственного выкидыша» [Гиммельфарб, 1914: 145], об «эпидемии искусственных выкидышей» [Труды XI Пироговского..., 1913: 216]. «И светская дама <...> и проститутка, и горничная, и фабричная работница <...> совершают одни преступления» [Мандельштам, 1914: 136]. Таким образом, официальная идеология и нормативные акты радикально расходись с массовым репродуктивным поведением женщин.

Врачи производили аборт либо в экстренных случаях — при угрозе жизни женщины, либо в «исключительных» случаях, то есть под давлением женщин, либо спасали женщин после неудачных криминальных абортов. Юристы, со своей стороны, фиксировали снисходительное отношение к «искусственному выкидышу» как населения, так и присяжных. По некоторым оценкам, дела о производстве аборта доходили до суда в менее чем 1% случаев, и не менее 75% получали оправдательный вердикт присяжных [Либерман, 1914: 152]. Правоведы, наряду с врачами, выступали за то, чтобы сделать законодательство в вопросе преследования за «искусственный выкидыш» более отвечающим реалиям жизни.

В дискуссиях об абортах на Пироговских съездах¹ активное участие принимали женщины-врачи, в большинстве своем выступавшие за их легализацию. Так, врач Императорского СПб родильного дома К.Н. Бронникова призывала Пироговский съезд «ясно и определенно сказать, что он считает женщину *свободной личностью, имеющей все права таковой* (курсив — И.Ю.) на свою судьбу, и в частности в вопросе о детях, и добиваться изменения законодательства в смысле полной ненаказуемости аборта» [Двенадцатый..., 1913: 212]. О.П. Пирожкова (Московская городская больница): «Выход может быть только один: предоставить женщине полную свободу распоряжаться самою собою» [Пирожкова, 1911: 107].

Сторонники декриминализации аборта подчеркивали именно гражданскую составляющую права женщины на аборт: «Как сын, как муж, как гражданин, как мужчина я протестую против того, чтобы <...> всякую женщину, такую же *свободную и равноправную гражданку, как и я* (курсив — И.Ю.), превращали в родильный аппарат» [Грин, 1914: 48].

В дискуссиях и прессе был поднят вопрос о государственной поддержке материнства и детства: «Наши законодатели думают об охране зародыша, об охране жизни в утробе матери, но когда ребенок родился, они им больше не интересуются. Они не думают о принятии широких общественных мер и о проведении социальных реформ, необходимых для охраны уже существующих детей» [Покровская, 1914: 104].

¹ Пироговские съезды — съезды членов «Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова» (1883-1917), объединявшие врачей России всех медицинских специальностей.

Секция по искусственному выкидышу на XII Пироговском съезде (1913 г.) приняла резолюцию, в которой женщины определялись дееспособными субъектами, имеющими право на прерывание беременности не только по медицинским, но и социальным показаниям, и предложила законодателю пересмотреть закон в сторону ненаказуемости женщин и врачей. Общая резолюция съезда была менее радикальна, но также предлагала отменить уголовное преследование за «искусственный выкидыш» и начать работу в «сфере государственных и социальных реформ» по поддержке материнства и детства.

X Общее собрание Русской группы Международного союза криминалистов (1914 г.) приняло резолюцию, в которой оценило наказуемость плодозигнания «противоречащей как юридическим основаниям наказуемости, так и требованиям уголовной политики» и призвала «исключить изгнание плода из числа преступных деяний» [Десятый съезд..., 1914: 84].

Законодательное решение проблемы осталось в наследство советской власти, которая решила его по радикальному варианту, предложенному в 1913 году секцией по искусственному выкидышу XII Пироговского съезда. 18 ноября 1920 года постановлением Наркомздрава РСФСР и Наркомюста РСФСР «Об искусственном прерывании беременности» гражданки Советской России получили право на бесплатный аборт не только по медицинским, но и по социальным основаниям.

7. Политические права

Последними в ряду прав, формирующих полноценное гражданство, были политические права. До 1905 года они не выдвигались женской общественностью по причине отсутствия в стране парламентской системы как таковой. Но как только требование избирательных прав и создания выборных представительных органов прогремело над страной, сразу появились женщины, которые попытались вписать женские избирательные права в повестку политических партий: «Женщины встrepенулись повсеместно, во всех городах заговорили об одном и заволновались одной мыслью — отвоевать политическое равноправие, послать своих представительниц в Государственную Думу и отстоять через представительство их равноправие во всех областях» [Женский вестник, 1905: 145]. Эти требования не были услышаны — первый избирательный закон в Российской империи (6 декабря 1905 г.) проигнорировал женщин, как и некоторые другие категории граждан. Женские издания отреагировали соответствующим образом: «Конец прошлого года не только разрушил надежды женщин на равноправность, но и поставил перед ними в высшей степени удивительный вопрос: могут ли они считаться населением или нет?» [Женский вестник, 1906: 1].

В ответ, как это уже было не раз апробировано женским движением, создавались новые организации (суфражистские), в том числе Женская прогрессивная партия, целью которых стало получение для женщин избирательных

прав. Цель была достигнута в рекордно короткие по историческим меркам сроки — за 12 лет. Этому предшествовала колоссальная работа с партиями, фракциями в Государственной Думе, профессиональными союзами, земцами, прессой по продвижению самой идеи женщины-избирательницы, по формированию образа женщины-гражданки и ее гражданских «добродетелей». Под давлением женских организаций в I Государственной Думе была создана Комиссия по вопросам равноправия, для которой Союз равноправия женщин разработал законопроект о гражданских правах женщин. Законопроект предусматривал: 1) избирательные права всех женщин в выборах всех уровней; 2) право занимать все должности по государственной, общественной службе и по выборным делам; получать все звания, кроме званий действительной военной службы; 3) право на все виды образования в системе совместного образования; 4) равные наследные права; 5) право на раздельное имущество супругов; 6) право на раздельное жительство супругов [Проект законоположений..., 1907: 378]. Законопроект был передан в Думу накануне ее досрочного роспуска (9 июля 1906 г.) и потому рассмотрен не был. Однако, по мнению современников, I Государственная Дума была готова его принять.

Женские организации продолжили работу с парламентскими фракциями, прежде всего с трудовиками и кадетами, которые более других откликнулись на их предложения. Через трудовиков были инициированы многие законопроекты. Не все они прошли в Думе, но те, что были приняты, частично реализовали требования законопроекта 1906 года. Среди них законы: «О мерах пресечения торга женщинами в целях разврата» (1909), «О расширении прав наследования по закону лицами женского пола и права завещания родовых имений» (1912), «О некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собой и к детям» (1914). В результате гражданские права россиянок значительно расширились. Женщины могли самостоятельно получать вид на жительство, проживать отдельно от супруга, поступать на работу и учебу по собственному усмотрению, обязываться векселями.

На время Первой мировой войны задача получения политического гражданства была отложена. Деятельность женских организаций сосредоточилась на помощи фронту. Открытие лазаретов, организация пунктов питания для беженцев, призрение сирот и проч. равноправки воспринимали как гражданскую женскую ответственность. Эту стратегию освоения прав гражданства можно рассматривать с позиций категории гражданства как ответственности. Создание женских батальонов смерти также стоит в ряду добровольно взятой на себя женской гражданской ответственности.

Возвращение к проблеме избирательных прав произошло после Февральской революции. 3 марта 1917 года Временное правительство опубликовало Декларацию, в которой объявило о подготовке к созыву Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права. О политических правах женщин не было сказано ни слова, то есть первый правовой акт новой власти, закладывающий основу избирательной системы России, проигнорировал

женщин. «Когда речь заходит о правах, то под словом «всеобщее» мужчины подразумевают только самих себя», — прокомментировал ситуацию «Женский вестник» [Женский вестник, 1917: 40].

Лидером движения за избирательные права женщин стала Лига равноправия женщин. Уже на следующий день 4 марта министру-председателю Временного правительства кн. Г.Е. Львову лично в руки была вручена резолюция Лиги с требованием объявить «всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право без различия пола, вероисповедания и национальности». Петиции женских организаций со всей страны и женские делегации к Временному правительству, кампания в прессе, женские митинги, женские демонстрации — все это было организовано за две недели. А 19 марта 40-тысячная демонстрация женщин под лозунгами «Место женщины в Учредительном собрании» прошествовала по Невскому проспекту к Таврическому дворцу, где заседало Временное правительство, и встала у дворца, выдвинув ультиматум: «Мы не уйдем отсюда, пока не получим ответа» [Закута, 1917: 6]. Все эти действия переломили ситуацию — обещания были вынужденно даны. Но еще четыре месяца равноправки отслеживали процесс прохождения избирательного закона. Представительницы от женских организаций вошли в «Особое совещание по выработке законопроекта о выборах в Учредительное собрание», в другие согласительные комиссии. В результате Постановление Временного правительства «О производстве выборов гласных городских дум, об участковых городских управлениях» (15 апреля 1917 г.) дало женщинам право баллотироваться в городские думы. «Официальное положение о выборах в Учредительное собрание» (20 июля 1917 г.) дало всем «российским гражданам обоего пола, коим ко дню выборов исполнится 20 лет», пассивное и активное избирательное право. Оно вступило в силу 11 сентября 1917 года.

Заключение

История досоветского российского женского гражданства имеет отчетливую траекторию развития — оно создавалось в конфликте интересов и противостоянии государства и женщин как большой социальной группы. С одной стороны, оно формировалось повседневными массовыми практиками женщин, которые осознавали ограниченность своих прав и возможностей и нарушали законы и предписанные им модели поведения, по факту расширяя свои права. С другой стороны, коллективным актором, представлявшим их интересы, выступило женское, феминистское, суфражистское движение, которое озвучивало интересы женщин, вносило их требования в политическую повестку, мобилизовывало женскую общественность на коллективные действия. В результате в досоветский период в России был сформирован высокий по меркам начала XX века женский гражданский статус, понятие «гражданка» получило конкретное наполнение и было воспринято населением.

Литература

Вереманко В.А. Дворянская семья и государственная политика России. СПб.: Европейский дом, 2007.

Гиммельфарб Г.И. Исторический очерк вопроса о выкидышах // Терапевтическое обозрение. 1914. № 5. С. 141–147.

Грин И.В. Аборт — преступление или операция? Доклад, сделанный на XII Пироговском съезде. М.: Мысль, Н.П. Меснянкин и Ко, 1914.

Двенадцатый Пироговский съезд. Петербург. 29 мая — 5 июня 1913 г. Вып. II. СПб., 1913.

Десятый съезд Русской группы Международного союза криминалистов // Право. 1914. № 10. С. 824–839.

Женский вестник. 1905. № 5.

Женский вестник. 1906. № 1.

Женский вестник. 1915. № 11.

Женский вестник. 1917. № 3.

Женщина в праве. С приложением всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола. № 4. СПб., 1895.

Закута О. Как в революционное время Всероссийская Лига равноправия женщин добилась избирательных прав для русских женщин. Петроград, 1917.

Здравомыслова Е.А. Гендерное гражданство и абортная культура // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: ЕУСПб, 2009. С. 108–135.

Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX веков. М., 1991.

Крестьянников Е.А. Женская адвокатура в дореволюционной России: сибирский «след» // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 38–46. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/63/5>

Либерман Я.Э. Изгнание плода в русском законодательстве // Терапевтическое обозрение. 1914. № 5. С. 147–153.

Мандельштам И.Г. Пандемия искусственного выкидыша и меры борьбы с ней. Показания к выкидышу // Терапевтическое обозрение. 1914. № 5. С. 134–141.

М.В. (Вернадская М.Н.) Еще раз о женском труде // Экономический указатель. 1858. Т. 92. № 40. С. 906–911.

Отчет Московского отдела Лиги Равноправия женщин за 1911–1912 гг. М., 1913.

Пальховский А. Еще о женском труде. По поводу журнальных толков об этом вопросе // Атеней. 1858. Кн. 24. Ч. III. С. 487–503.

Пирожкова О.П. Статистические данные относительно количества выкидышей в Московских городских больницах и городских родильных приютах // Труды IV Съезда Общества российских акушеров и гинекологов. СПб., 1911. С. 103–109.

Покровская М.И. К вопросу об аборте // Женский вестник. 1914. № 4. С. 104.

Проект законоположений о женском равноправии // Первый женский календарь на 1907 год. СПб., 1907. С. 374–421.

Решетников Г.Л. К вопросу о «женской адвокатуре» в дореволюционной России // Российский юридический журнал. 2012. № 1. С. 179–186.

Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956.

Толстой Л.Н. Письмо к Н.Н. Страхову от 19 марта 1879 // Собрание соч. в 22 т. Т. 17. М., 1984.

Труды XI Пироговского съезда, изданные организационным комитетом съезда. СПб.: Типография министерства путей сообщения, 1913.

Шашков С.С. Судьбы женщин, детоубийство и проституция. СПб., 1871.

Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания. Т. 1. М., 1967.

Юваль-Девис Н. Гендер и нация. М.: Елра, 2001.

Marshall T.H. *Citizenship and Social Class*. Class, Citizenship and Social Development. N.Y.: Doubleday, 1964.

Turner B.S. *Outline of a Theory of Citizenship* // *Sociology*. 1990. Vol. 24. № 2. P. 189–217. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038590024002002>

Skijeje H., Siim B. *Scandinavian Feminist Debate on Citizenship* // *International Political Science Review*. 2000. Vol. 21. № 4. P. 345–360. DOI: <https://doi.org/10.1177/0192512100214002>

Сведения об авторе:

Юкина Ирина Игоревна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** irinayukina@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** 487175; **ORCID ID:** 0000-0003-4845-8742.

Статья поступила в редакцию: 02.07.2021

Принята к публикации: 10.09.2021

On the Way to Women’s Citizenship in Russia: the 1860s–1917

DOI: 10.19181/inter.2021.13.3.4

Irina I. Iukina

HSE University, St. Petersburg, Russia

E-mail: irinayukina@gmail.com

This article examines the development of Russian women’s citizenship from the standpoint of the theory of citizenship and describes the main directions and milestones of its formation on the historical material. The article proves that the main subjects of the setting up of women’s citizenship on the one hand are the women’s, feminist, suffragist movement, which put the problems of its social (gender) group before the authorities and sought their solution. On the other hand, there are ‘broad masses of women’, i.e. women of various classes and social groups, who, by changing their daily practices, actually expanded their civil rights and duties. The History of Russian Women as a historical discipline in recent years has accumulated significant factual material about various aspects of the life of Russian women, which made possible such a historical and sociological analysis of the phenomenon of women’s citizenship in Russia.

Keywords: women’s citizenship; personal civil rights; political rights; social rights; social status; women’s, feminist, suffragist movement; citizenship-as-status; citizenship-as-participation; citizenship-as-solidarity

References

Desaytyi s’ezd Russkoi gruppy Mezhdunarodnogo souza kriminalistov [10th Congress of the Russian Group of the International Union of Criminologists] (1914) *Pravo*. No. 10. P. 824–839. (In Russ.)

Dvenadcaty Pirogovskii s'ezd. Peterburg. 29 maya — 5 iunya 1913 [12th Pirogovsky Congress. Petersburg. May 29 — June 5, 1913] (1913) Vol. II. St. Petersburg. (In Russ.)

Gimmelfarb G.I. (1914) *Istoricheskii ocherk voprosa o vykidyshakh* [Historical Essay on Abortion Issue]. *Terapevticheskoe obozrenie* [Therapeutic review]. No. 5. P. 141–147. (In Russ.)

Grin I.V. (1914) *Abort — prestuplenie ili operaciya? Doklad, sdelannyi na XII Pirogovskom s'ezde* [Abortion — a Crime or an Operation? XII Pirogov Congress report]. Moscow: Mysl', N.P. Mesnyankin and Co. (In Russ.)

Ivanov A.E. (1991) *Vysshaya shkola v Rossii v konce XIX — nachale XX vekov* [Higher School of Russia in the late XIX — early XX centuries]. Moscow. (In Russ.)

Krestyannikov E.A. (2020) *Zhenskaya advokatura v dorevolucionnoi Rossii: sibirskii "sled"* [Women's Advocacy in Pre-revolutionary Russia: Siberian "Trace"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk State University. History]. No. 63. P. 38–46. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/63/5>

Liberma Ya.E. (1914) *Izgnanie ploda v russkom zakonodatel'stve* [Expulsion of the Fetus in the Russian Legislation]. *Terapevticheskoe obozrenie* [Therapeutic review]. No. 5. P. 147–153. (In Russ.)

Mandelstam I.G. (1914) *Pandemiya iskustvennogo vykidysha i mery bor'by s nei. Pokazaniya k vykidyshu* [The Pandemic of Artificial Miscarriage and Measures to Combat it. Indications for Miscarriage]. *Terapevticheskoe obozrenie* [Therapeutic review]. No. 5. P. 134–141. (In Russ.)

Marshall T.H. (1964) *Citizenship and Social Class. Class, Citizenship and Social Development*. N.Y.: Doubleday.

M.V. (Vernadskaya M.N.) (1858) *Eshe raz o zhenskom trude* [Once Again on Women's Labor]. *Ekonomicheskij ukazatel'* [Economic index]. Vol. 92. No. 40. P. 906–911. (In Russ.)

Otchet Moskovskogo otdela Ligi Ravnopraviya zhenshin za 1911–1912 gg. [Report of the Moscow Department of the League of Equal Rights for Women, 1911–1912] (1913) Moscow. (In Russ.)

Palkhovskiy A. (1858) *Eshe raz o zhenskom trude. Po povodu zhurnal'nykh tolkov ob etom voprose* [Once Again on Women's Labor. About the Magazine's Talks about this Issue]. *Atenej* [Athenaeum]. Vol. 24. Part III. P. 487–503. (In Russ.)

Pirozhkova O.P. (1911) *Statisticheskie dannye odnositel'no kolichestva vykidyshei v Moskovskikh gorodskikh bol'nicakh i gorodskikh roditel'nykh priutakh* [Statistical Data on the Number of Miscarriages in Moscow City Hospitals and City Maternity Shelters]. *Trudy IV S'ezda Obshchestva rossijskikh akusherov i ginekologov* [Proceedings of the IV Congress of the Society of Russian Obstetricians and Gynecologists]. St. Petersburg. P. 103–109. (In Russ.)

Pokrovskaya M.I. (1914) *K voprosu ob aborte* [On the Issue of Abortion]. *Zhenskii Vestnik* [Women's Herald]. No. 4. P. 104. (In Russ.)

Reshetnikov G.L. (2012) *K voprosu o zhenskoj advokature v dorevolucionnoi Rossii* [On "Women's advocacy" in Pre-revolutionary Russia]. *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal* [Russian Law Journal]. No. 1. P. 179–186. (In Russ.)

Proect zakonopoloshenii o zhenskom ravnopravii [Draft of Law on Women's Equality] (1907) *Pervyj zhenskij kalendar' na 1907 god* [The First Women's Calendar for 1907]. St. Petersburg. P. 374–421. (In Russ.)

Shashkov S.S. (1871) *Sud'by zhenshin, detoubiistvo i prostituciya* [The Fate of Women, Infanticide and Prostitution]. St. Petersburg. (In Russ.)

Shelgunov N.S., Shelgunova L.P., Mikhailov M.L. (1967) *Vospominaniya* [Memoirs]. Vol. 1. Moscow. (In Russ.)

Skijeje H., Siim B. (2000) *Scandinavian Feminist Debate on Citizenship*. *International Political Science Review*. Vol. 21. No. 4. P. 345–360. DOI: <https://doi.org/10.1177/0192512100214002>

Stepun F. (1956) *Byvshee i nesbyvsheesya* [The Former and the Unfulfilled]. N.Y.: Izd-vo im. Chekhova. (In Russ.)

Tolstoy L.N. (1984) *Pis'mo k N.N. Strakhovu ot 19 marta 1879* [Letter to N.N. Strakhov. 19 March 1879]. *Sobranie sochinenij v 22 t.* [Collected works in 22 volumes]. Vol. 17. Moscow. (In Russ.)

Trudy XI Pirogovskogo s'ezda [Proceedings of the 11st Pirogov Congress] (1913) Vol. 3. St. Petersburg: Tipografiya ministerstva putej soobshcheniya. (In Russ.)

Turner B.S. (1990) Outline of a Theory of Citizenship. *Sociology*. Vol. 24. No 2. P. 189–217. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038590024002002>

Veremenko V.A. (2007) *Dvoranskaya sem'ya i gosudarstvennaya politika Rossii* [The Noble Family and the State Policy of Russia]. St. Petersburg: Evropeiskii dom. (In Russ.)

Yuval-Davis N. (2001) *Gender i Naciya* [Gender and the Nation]. Moscow: Elpa. (In Russ.)

Zakuta O. (1917) *Kak v revolucionnoe vremya Vserossiiskaya Liga ravnopraviya zhenshin dobilas' izbiratel'nyh prav dlya russkikh zhenshin* [How in the Revolutionary Time the All-Russian League for Equal Rights of Women Achieved Electoral Rights for Russian Women]. Petrograd. (In Russ.)

Zdravomyslova E.A. (2009) *Gendernoe grazhdanstvo i abortnaya kultura* [Gender Citizenship and Abortion Culture]. In: Zdravomyslova E., Temkina A. (eds.) *Zdorov'e i doverie: gendernyj podhod k reproductivnoj medicine* [Health and Trust: A Gender Approach to Reproductive Medicine]. St. Petersburg: EUSPb. P. 108–135. (In Russ.)

Zhenshina v prave. S prilozheniem vsekh postanovlenii deistvuyushhego zakonodatel'stva, odnosyashegosya do lic zgenskogo pola [Woman in Law. With application of all resolutions of the current legislation relating to female persons] (1895) No. 4. St. Petersburg. (In Russ.)

Zhenskii vestnik [Women's Herald] (1905) No. 5. (In Russ.)

Zhenskii vestnik [Women's Herald] (1906) No. 1. (In Russ.)

Zhenskii vestnik [Women's Herald] (1915) No. 11. (In Russ.)

Zhenskii vestnik [Women's Herald] (1917) No. 3. (In Russ.)

Author bio:

Irina I. Yukina — Candidate of Sociology, Associate Professor, HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** irinayukina@gmail.com. **RSCI Author ID:** [487175](#); **ORCID ID:** [0000-0003-4845-8742](#).

Received: 02.07.2021

Accepted: 10.09.2021